

Крамской Иван Николаевич

Иван Николаевич Крамской

**Его жизнь, переписка и
художественно-критические статьи
1837-1887 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Николаевич К.**
Иван Николаевич Крамской: Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи
1837-1887 гг / Крамской Иван Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 780 с.

ISBN 978-5-519-90884-9

ISBN 978-5-519-90884-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

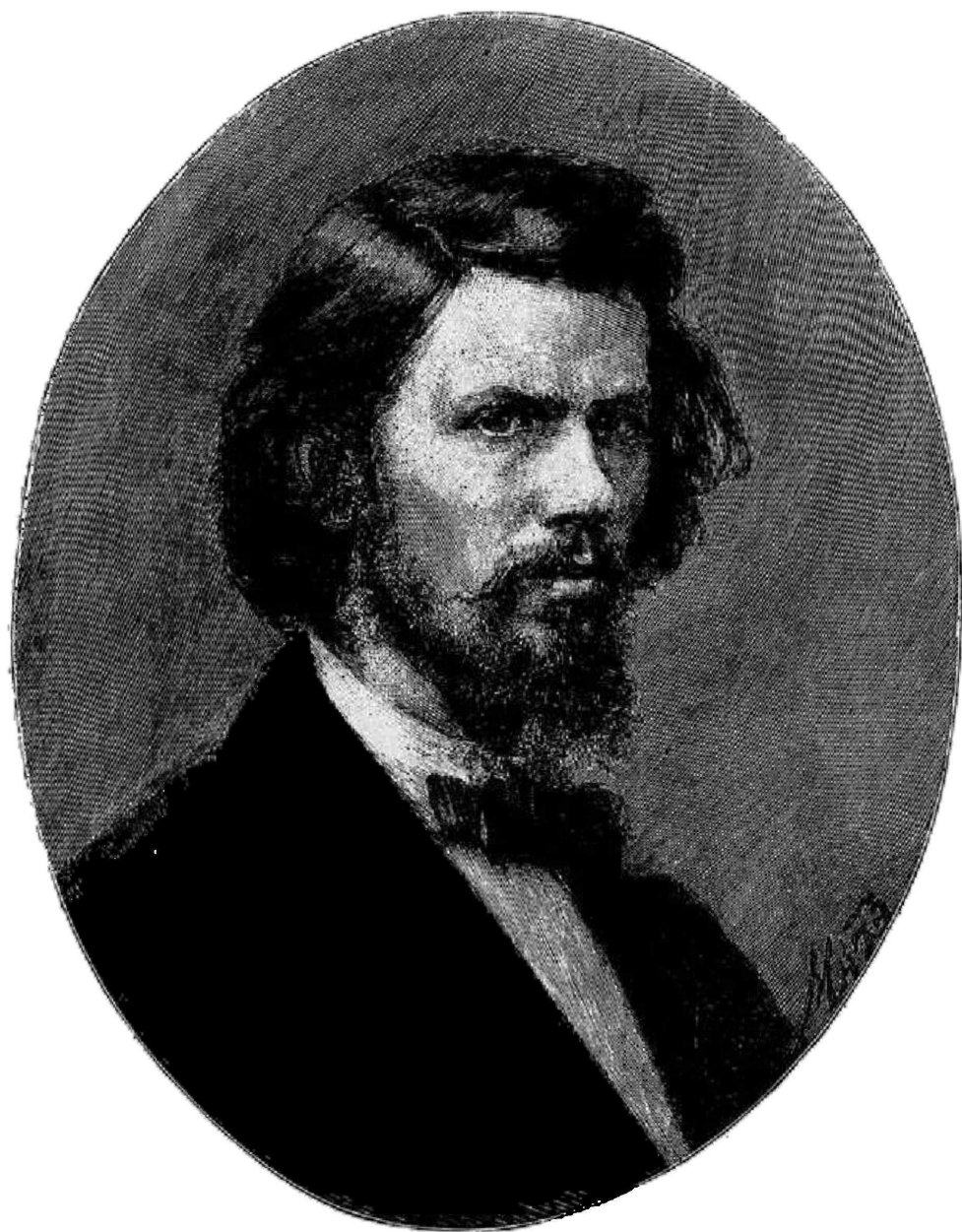
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Н. Н. КРАМСКОЙ.

Из портрета масляными красками, писанного имъ самимъ въ 1887 году.

1. Автобіографія И. Н. Кримского.

(Письмо къ А. К. Шеллеру, редактору «Живописнаго Обзорѣнія»).

1880.

Милостивый государь Александръ Константиновичъ, извините меня великодушно, что я такъ долго задержалъ данныя для моей біографіи.

Я родился въ 1837 году, 27 мая, въ уѣздномъ городѣ Острогожскѣ, Воронежской губ., въ пригородной слободѣ Новой-Сотнѣ, отъ родителей, приписанныхъ къ мѣстному мѣщанству. 12-ти лѣтъ отъ роду, я лишился своего отца, человѣка очень суроваго, сколько помню. Отецъ мой служилъ въ городской думѣ, если не ошибаюсь, журналистомъ; дѣдъ же мой, по рассказамъ, былъ такъ называемый войсковой житель, и, кажется, былъ тоже какимъ-то писаремъ въ Украинѣ. Дальше генеалогія моя не подымается. Какъ видите, она столь же древняя, какъ и любая дворянская. Учился я вначалѣ у одного грамотнаго сосѣда, а потомъ въ острогожскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ и окончилъ курсъ съ разными отличіями, похвальными листами, съ отміѣтками „5“ по всѣмъ предметамъ, первымъ ученикомъ, какъ свидѣтельствуешь и аттестатъ мой. Мнѣ было тогда всего 12 лѣтъ, и мать моя оставила меня еще на одинъ годъ въ старшемъ классѣ, такъ какъ я былъ слишкомъ малъ. На слѣдующій годъ мнѣ выдали тотъ же аттестатъ, съ тѣми же отміѣтками, только съ переминою года. Какъ видите, уче-

ность моя очень обширна. Не имѣя средствъ перевести меня въ воронежскую гимназію, куда мнѣ очень хотѣлось, я остался въ родномъ городѣ и сталъ упражняться въ каллиграфіи въ той же городской думѣ, гдѣ мѣсто моего отца занималъ тогда старшій братъ (старше меня лѣтъ на 15). Потомъ служилъ нѣсколько времени у посредника по любовному межеванію. Какъ рано появилось у меня влеченіе къ живописи—не знаю. Помню только, что 7-ми лѣтъ я лѣпилъ изъ глины казаковъ, а потомъ—по выходѣ изъ училища, рисовать все чтѣ мнѣ попадалось, но въ училищѣ не отличался по этой части—скучно было*). Когда мнѣ было уже 16 лѣтъ, мнѣ представился случай вырваться изъ уѣздного города съ однимъ харьковскимъ фотографомъ, пріѣхавшимъ въ нашъ городъ, по случаю собравшихся войскъ и бывшихъ парадовъ, разводовъ, ученій. Съ этимъ фотографомъ я объѣхалъ большую половину Россіи, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, въ качествѣ ретушера и акварелиста. Это была суровая школа—фотографъ былъ еврей. Въ это время (а

---

*) Въ біографіи Крамского, напечатанной въ „Живописномъ Обзорѣнн“, въ 1880 году, на основаніи „Автобіографіи“ Крамского, автора статьи „Дилетанты“, сообщается нѣсколько подробностей изъ молодыхъ лѣтъ являе Крамского, разсказанныхъ ему изустно самимъ Крамскимъ. Мы приведемъ изъ этихъ выюнкъ: „Мальчикъ очень рано полюбилъ природу, именно съ ея, такъ сказать, художественной стороны; рѣчки, лѣса, рожи, моренныя сѣба, — все это охватило ребенка каиниъ-то непонятнымъ ему восторгомъ. Пробуждался, если можно такъ выразиться, поэтическій даръ. Къ тому же присоединились случайно и другіа впечатлѣнія дѣтства, дѣйствующія въ томъ же напращеніи; такъ, напр., онъ очень любилъ слушать по ночамъ игру на флейтѣ въ саду сосѣда Круиченко. Немало также интересовала его живопись кладбищенской деревни въ Острогжскѣ, еще екатерининскаго времени. Картины эти принадлежали какому-то, мнѣ совершенно забытому, художнику Величковскому. Эти художественныя пронаведенія прошлого вѣка—не Богъ вѣсть что, но и не сузальщина. По выходѣ изъ училища, молодой Крамской приставалъ къ роднымъ, главнымъ образомъ къ брату, чтобы его отдали къ живописцу учиться, только не къ одному изъ тѣхъ, которые были въ городѣ. Родные не соглашались, говоря, что живописцы ходятъ безъ сапогъ, и неужели же онъ хочетъ быть похожъ на Петра Агѣевича? (Петръ Агѣевичъ былъ живописецъ въ Острогжскѣ, ходившій на базаръ на опоркахъ и жалатѣ). На этотъ аргументъ мальчикъ возражалъ, что есть такіе живописцы, о благоволеніи которыхъ въ Острогжскѣ и не подозреваютъ! Онъ уже въ это время слы-

началъ и раньше) и очень много читалъ, поглощалъ все, о чемъ только могъ услышать. 20-ти лѣтъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ Академію въ 1857 году, а въ 1863 г. выпелъ изъ нея вмѣстѣ съ товарищами, въ числѣ 14-ти человѣкъ, отказавшись отъ конкурса на большую золотую медаль. Затѣмъ, женившись, я началъ вѣтную исторію борьбы изъ-за куска хлѣба, преслѣдуя въ то же время дѣли, ничего общаго съ рублемъ не имѣющія. Такъ дѣло тянется и теперь. Когда кончится мое (въ сущности хаторжное) теперешнее положеніе и кто одолѣетъ въ борьбѣ — я не знаю и не предугадываю. Еще 5 лѣтъ тому назадъ я, пожалуй, отвѣтилъ бы съ несомнѣнною увѣренностью, что я буду побѣдителемъ, но теперь... не рѣшаюсь. Чѣмъ больше захватываешь поле, тѣмъ больше встрѣчается препятствій, не имѣвшихъ прежде мѣста, силы же не увеличиваются въ той же прогрессіи. Словомъ, на этомъ мѣстѣ начинается сказка про бѣлаго бычка, и потому останавливаюсь, должно быть, изъ благоразумія.

Ничего о Брюлловѣ. Тѣмъ не менѣе, намѣвъ на Брюллова не промазали надлежащаго дѣйствія: родные, попрежнему, продолжали съ пренебреженіемъ относиться къ художественной карьерѣ... Старшій братъ его былъ въ то время учителемъ въ приготовительныхъ классахъ училища: онъ тогда только что приготовился и выдержалъ экзаменъ въ Воронежѣ; онъ и носилъ изъ училищной бібліотеки много книгъ и журналовъ, къ чтенію которыхъ молодой Крамской очень пристрастился, но, тѣмъ не менѣе, не охладѣлъ въ своей любви къ искусству. Долго между ними и родными шли споры на этотъ счетъ; наконецъ, когда ему было около 15-ти лѣтъ, мать отвела его въ Воронежъ и отдала къ лучшему тамъ иконописцу, на 6 лѣтъ въ ученье. Иконописецъ согласился, съ тѣмъ условіемъ, что когда обнаружатся въ мальчикѣ способности къ живописи, то заключить контрактъ. У него мальчикъ пробилъ, однако же, не болѣе 3 мѣсяцевъ, растиралъ краски, посылъ ему обѣды на другой конецъ города, въ наадбищенскую церковь, которую онъ тогда рисовалъ. Осенью, будущій художникъ, вмѣстѣ съ подмастерьями, долженъ былъ таскать изъ рѣки бочки для разныхъ солей и поднимать ихъ на высокую гору. Само собою разумѣется, что молодому Крамскому такое художественное образованіе не особенно нравилось. Онъ, наконецъ, позматился, и въ писемѣ къ матери просилъ взять его отъ иконописца, такъ какъ его не учить. Когда мать лишилась, то живописецъ требовалъ, чтобы былъ заключенъ контрактъ; но дѣло кое-какъ уладилось, живописецъ съ ругательствами отпустилъ мальчика. Онъ опять возвратился въ родной городъ“.

Никогда и ни отъ кого: ни отъ отца, ни отъ брата, ни отъ матери и ни отъ кого изъ благодѣтелей, я не получалъ ни копѣйки. Служилъ я за 2 рубля 50 коп. въ мѣсяцъ. Уѣхать изъ Острогжска къ фотографу въ Харьковъ — на заработанный рубль. Учился, и всегда жить, только на то, что могъ заработать. Вотъ моя исторія. Признаюсь, мнѣ было тяжело разсказывать біографическія данныя, и я охотно бы предпочелъ не дѣлать этого, но такъ какъ изъ меня очевидно вышло мнѣ что въ родѣ „особы“ и такъ какъ люди очень любопытны и не могутъ отстать, пока не узнаютъ чегонибудь (это не къ вамъ относится, а къ читателямъ — честное слово!), то и пусть узнаютъ голую правду.

Моя работы: еще будучи ученикомъ Академіи, въ 1863 г., я сдѣлалъ до 50-ти рисунковъ для купола въ храмѣ Спаса въ Москвѣ, своему профессору Маркову, и 8 картоновъ, въ натуральную величину. Потомъ, уже по выходѣ изъ Академіи, чрезъ 1½ года, писалъ и самый куполъ. Потомъ портреты, портреты и портреты, и карандашемъ, и красками, и чѣмъ попало. Сколько ихъ и гдѣ они — не помню и не знаю, потому что я, въ качествѣ русскаго человѣка, въ этомъ отношеніи, нигуда негодный человѣкъ: всегда хотѣлъ вести счетъ, записать, что, кому и когда сдѣлаю, даже нѣсколько разъ давалъ искреннее слово снимать фотографіи и... должно быть обстоятельства выше намѣреній. Знаю, что это не оправданіе!

Повѣсть моя будетъ не окончена, если я не прибавлю, что никогда и никому я такъ не завидовалъ (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова), какъ человѣку дѣйствительно образованному. Прежде у меня даже была лакейская панника передъ каждымъ студентомъ университета. Извините, негдѣ прибавить комплиментовъ, а потому просто подписываюсь

И. Крамской.

II. Орывокъ изъ автобіографіи И. Н. Крашкова.

(Письмо къ А. С. Суворину).

С.-Петербургъ, 6-го марта 1896 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Вы хотите имѣть мою біографію, какъ сотрудника „Новаго Времени“. Что-жъ, я рассказать согласенъ, и такъ какъ читателей у меня не будетъ, или, лучше, вы—единственный читатель, то я могу не стѣсняться: буду пространнымъ и даже болтливымъ, когда это нибудь въ моихъ воспоминаніяхъ меня увлечетъ; вы можете скучать, заснуть, почтатъ, бросить, даже вовсе не заглядывать въ рукопись—мое автобіографическое самолюбіе отъ того не пострадаетъ ни капли. Никто критики не напишетъ и никому, кромѣ васъ, я въ тягость не буду,—ну, а обременить только одного человѣка—это сноснѣе, чѣмъ многихъ. Но все же, хотя это и для васъ и только для васъ, а я желаю быть и искреннимъ, и безпристрастнымъ къ себѣ. Конечно, желать не значитъ быть, и потому впередъ оговариваюсь, что пристрастіе я допускаю, невольное, конечно, но искренность отстаиваю неприкосновенно. А впрочемъ, къ чему-жъ я это говорю?! Вы отличите и настоящую искренность, и настоящее безпристрастіе. Какъ вы полагаете, не пора ли начать?

Я—человѣкъ оригинальный: таковымъ родился. Мнѣ бы очень хотѣлось начать не такъ, какъ всѣ, да какъ начнешь не сначала? Итакъ, начнемъ сначала.

Я родился на свѣтъ Божій 27 мая 1837 г., крещенъ же 29 мая во имя Іоанна Блаженнаго, стало быть черезъ день. Такой не громкій спятой и конецъ мал, когда обыкновенно именинниковъ не встрѣчается, были причиною, что никто никогда не помнилъ моихъ именинъ, даже люди самые близкіе. Сначала меня это огорчало, а потомъ стало доставлять удовольствіе, именно тѣмъ, что всякій, кто у меня спрашивалъ, когда я именинникъ, очень удивлялся, узнавъ, что—мая 29. Какъ? восклицалъ обыкновенно спрашивавшій, неужели 29?—

Да.—Удивительно!? — Да что-жъ тутъ удивительнаго? — Да такъ, знаете, встали Иванъ,—ну я и думалъ, что какойнибудь Богословъ или Креститель, а то—29 мая—очень странно!—А черезъ годъ столь основательно забывалъ опять, что, когда день проходилъ уже, то опять удивлялся. Словомъ, я, такъ сказать, никогда не былъ именинникомъ, и такъ привыкъ къ этому, что никогда не готовился принимать гостей и никогда не ошибался. Однакожъ, несмотря на столь значительное сбереженіе и экономію, которую сама судьба мнѣ уготовала, я тѣмъ своимъ обстоятельствамъ не поправилъ.

Итакъ, я родился, и, конечно, зажилъ. Первое впечатлѣніе, которое моя память удержала, было слѣдующее: я сажу у кого-то на рукахъ и смотрю въ черную дымовую плетеную трубу четырехугольной формы, черезъ которую видно небо. Сколько было мнѣ лѣтъ и кто меня держалъ—не помню; держала, должно быть, мать, а лѣта... я еще не ходилъ. Помню, что я спрашивалъ, было ли чтонибудь подобное, или могло ли быть? Мать моя долго не могла сообразить—однакожъ потомъ вспомнила, что они жили на квартирѣ (во время постройки собственной хаты), гдѣ такая труба была дѣйствительно. Это, значить, первое мое впечатлѣніе, которое я помню. Второе, тоже довольно раннее, было слѣдующее: я вмѣстѣ съ матерью и нѣкоторыми родственниками ѣду откуда-то на саняхъ очень низкихъ (дровняхъ) и вижу съ поразительной ясностью стволы тонкихъ березъ, облепленныя снѣгомъ, замерзшія лужицы, въ которыхъ ледъ отливаетъ перламутромъ, а отъ вечерняго солнца длинными тѣнями; путь лежалъ черезъ такъ называемую лешаду. Это впечатлѣніе сопровождалось (помню очень хорошо) грустнымъ и тоскливымъ чувствомъ, хотя и пріятнымъ. Затѣмъ рядомъ возникаетъ въ памяти лѣтнее утро, теплое, свѣтлое, солнечное, росистое и пахучее, я иду съ блинами (помню хорошо, что куда-то кому-то нужно было свести завтракъ), иду по саду нашему, по дорожкѣ, и съ обѣихъ сторонъ трава очень свѣжая и пахучая, выше меня ростомъ. Очень